
Наследие Древней Руси

УДК 230.1

ББК 86.37

Мильков Владимир Владимирович,

доктор философских наук,

ведущий научный сотрудник,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии, Российская академия наук

(Институт философии РАН)

ул. Волхонка, 14/1, стр. 5, 119991 г. Москва, Российская Федерация

E-mail: dr_milkov@mail.ru

ТЕКСТЫ ГРИГОРИЯ НИССКОГО В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ СРЕДНЕВЕКОВУЮ МЫСЛЬ

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ: «Русская ноуменальная философия: сравнительный анализ генезиса и трансформаций неоплатонизма» № 12-03-00244а

Аннотация: В статье анализируются тексты Григория Нисского, которые были найдены в составе древнерусской книжности. Рассматриваются конкретные примеры влияния славянских переводов его сочинений на творчество оригинальных мыслителей Древней Руси. Автор обнаружил извлечения из произведений Григория Нисского в древнерусских текстах XII–XIV вв. Фрагменты его сочинений обнаружены в дополнениях к «Богословию» Иоанна Дамаскина и «Диоптре» Филиппа Пустынника. С точки зрения автора, эти тексты использовали представители христианизированного неоплатонизма. В частности, эти идеи воспроизводил в своих сочинениях Кирилл Туровский и русский автор, создавший «Палею Толковую». Целью работы было стремление показать конкретные пути распространения христианизированного неоплатонизма в древнерусской культуре. Сделан вывод о том, что концепцию христианизированного неоплатонизма в эпоху русского Средневековья представляли не только переводы «Корпуса Ареопагитик» и «Диоптры», но и, наряду с ними, тексты такого выдающегося христианского неоплатоника, как Григорий Нисский.

Ключевые слова: Древняя Русь, Григорий Нисский, религиозно-философская мысль, христианизированный неоплатонизм.

Когда говорят о феномене христианизированного неоплатонизма в религиозно-философской мысли Древней Руси, обычно ограничиваются наблюдениями о распространении текстов Corpus'a Areopagiticum, который в извлечениях и пересказах

стал известен с XI–XII вв., а в полном виде трактаты и послания стали распространяться в отечественной письменности с конца XIV столетия. О более широком спектре трудов экзегетов, которые в православном регионе представляли христианско-неоплатоническую традицию, вопрос, как правило, и не ставился. С одной стороны, это можно объяснить тем, что христианские неоплатоники стояли на позициях достаточно зыбкой ортодоксальности, что вызывало объяснимую настороженность церковных идеологов и не способствовало популяризации идей, требующих углублённой подготовки для их адекватного понимания. Самой главной причиной является отсутствие в отечественной науке широкого комплексного исследования состава компилятивных произведений и содержательного репертуара древнерусских сборников смешанного состава. Тем не менее о конкретных памятниках письменности, расширявших ареал влияния неоплатонизма на отечественную религиозную мысль можно говорить уже сегодня.

Древнейшая трансляция текстов Григория Нисского на Русь связана с появлением и копированием здесь «Изборника 1073 года». В нём на нескольких столбцах читается текст «От оглашеника», автором которого является Григорий Нисский [4, л. 16 г – 17 б]. Дальнейшая история бытования текста связана с копированием компилятивной подборки в XV–XVI вв. (известно более 15 экземпляров).

Значительные извлечения из трудов Григория Нисского имеются в пергаменной рукописи из собрания ГИМ. Син. № 108 (конец XII – начало XIII вв.). Они присутствуют в качестве конвоя к выборочному воспроизведению 48 глав «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе и с предисловием Иоанна Экзарха Болгарского. Этот древнейший русский список главного произведения последнего из отцов церкви давно находится в поле зрения исследователей. По Синодальному списку «Богословие» (л. 1 а – 179 г) готовилось к публикации О. М. Бодянским, но труд вышел в свет уже после его смерти с предисловием А. Н. Попова. Тексты Григория Нисского публиковались вместе с «Богословием», к которому они были присоединены в конце рукописи [1]. В новейшей публикации этой рукописи прибавления, принадлежащие перу Григория Нисского, уже отсутствуют [15]. В научной литературе остались без внимания объёмные заимствования из наследия экзегета. В Син. № 108 вошли извлечения из 25–27 глав сочинения Григория Нисского «Об устройении человека» (л. 185 а – 201 а), а также ответ на сомнения некоего неверного на возможность воскресения, в основу которого положен текст из трактата «О душе и о воскресении» (л. 201 а – 209 а). Такое безучастное отношение исследователей к этим текстам тем более странно, что в них специфика христианских неоплатонических воззрений проводится достаточно отчётливо. В извлечениях приводятся доказательства истинности воскресения и описывается сам процесс соединения души с телом. Согласно читавшемуся в Син. № 108 тексту, люди, распавшиеся по смерти на простейшие первоэлементы, остаются внутри физического мира. Со вторым пришествием из общего извлекаются индивидуальные личности. Это происходит по причине непрерывающейся связи души с тем, что образовывало телесность, которая узнаётся по неким ведомым душе знакам: «съ нею же есть жила плоть. д(у)ша прилежащи. имущи же еи и знаменяху [оу]де обличная. нынешнимиъ растворомъ.

своего телесе оуведение (л. 196 в – 196 г). Поэтому во время всеобщего воскресения «да д(у)ши оубо единобытьное и свое къ себе паки влекоущи» (л. 196 г – 197 а). Эти признаки узнавания души удерживали, пока разложившиеся тела находились в гробах: «плътъмъ въ гробѣ лежащемъ. знаменія же плътская въ д(у)шахъ пребывающа» (л. 197 б). Восстановление из общего (первозлементов) индивидуального (личностей) сравнивается с соединением разлившихся капелек ртути воедино (л. 199 б). Весь этот процесс предполагает сорастворённость души тем первоэлементам, которые при жизни человека были для неё своими (л. 197 б). Фрагмент из трактата «О душе и о воскресении» тематически связан с предшествующим текстовым блоком. В нём, кроме мысли об исчезновении у воскресших естества, общего с бессловесными, проводится мысль, что в постэсхатологическом будущем совершится полнота естества и все, только в разные сроки, окажутся чистыми от порока. Продолжительность врачевания грешников будет зависеть от меры их прижизненной порочности. В такой форме проводится характерная для христианизированного неоплатонизма мысль о возможности конечного спасения всех живших на земле.

Ещё один мощный источник распространения идей Григория Нисского — «Диоптра» Филиппа Пустынника. Этот переводной памятник появился на Руси в конце XIV в. и стал гораздо более популярен, чем у себя на родине. Только древнерусских списков обнаружено более 200, а количество извлечений не поддаётся подсчёту. Всего несколько лет назад этот уникальный памятник религиозно-философской мысли был опубликован, поэтому появилась возможность для детального его аналитического изучения [3].

Влияние идей Григория Нисского обнаруживается в трактовке сущности души Филиппом Пустынником. В «Диоптре» неоднократно подчёркивается божественность душевной субстанции, хотя и делается предостережение, чтобы не трактовать соединение души и тела пантеистически («...от Бога же — дыхание в жизни бессмертной, самую невещественную бестелесную и божественную душу, — не от существа Его, нет, владычица моя, но от творящей сущности силы Его» [3, с. 298 (177)]). По мысли автора, даже после грехопадения бестелесная и невещественная душа остаётся почтенной «божественной славой», а из трёх, выделяемых вслед за Платоном частей души (умной, яростной и желанной), именно умная имеет общее с ангелами и «более божественна», нежели две другие [3, с. 298, 299 (177, 178)]. В произведении прямо постулируется сопричастность умного душевного начала Богу [3, с. 238 (117)]. Самое яркое определение божественного качества души принадлежит заимствованию из трактата «О душе и о воскресении», автор которого — Григорий Нисский — стоял на позициях христианского неоплатонизма: «...ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием Божиим, все чуждое Богу оказывается за границей души» [3, с. 248 (127); ср.: 12, с. 230]. Как видим, в тексте можно наблюдать некоторое балансирование между доктринальным требованием разведения божественной и тварной сфер и откровенно неоплатонической методологией отслеживания ноуменального в феноменальном, а в данном случае божественной души в человеческом теле.

Подлинное слияние с божественным, согласно с «Диоптре», возможно в постэсхатологической перспективе, когда обновлённая человеческая природа вновь воспримет на себе «божественное вдуновение» [3, с. 247 (126)].

При жизни человека автор «Диоптры» допускал возможность большей или меньшей причастности души божественному началу. Он допускал, что душа может быть целиком поработана плотью, но, если плотские страсти не победят высоких душевных устремлений, человек такой становится духовным. В жизни преобладают промежуточные состояния. Человек, в котором не торжествует ни одно из двух его начал, оценивается как человек душевный, и такое качество считается естественной нормой [3, с. 297 (176)]. Как видим, предлагается дифференциация трёх качеств душевно-плотского родства, приближающих человека к Богу.

С позиции ноуменальной трактовки души автор «Диоптры» на протяжении всего повествования возвращается к мысли о духовно-материальном единстве, суть которого словами Души в произведении выражена так: «...невероятен союз нас двоих». Вопрос о характере соединения душевного и телесного начал решается отлично от широко распространённых в христианском регионе воззрений. Филипп Пустынник принимает точку зрения Григория Нисского, что душа не может быть ограничена какими-нибудь телесными органами, поскольку «нельзя пространством очертить бесплотную природу и никакими частями тела ум не содержится, но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие» [3, с. 232 (111)]. Поэтому автор не присоединяется ни к Аристотелю и Гиппократу, утверждавшим, что ум пребывает в сердце, ни к Галену, учившему о связи ума с мозгом. Не локализованная ни в каких конкретных органах душа по всему телу действует, подчиняя себе органы чувств [3, с. 231 (109–110)]. В этих своих суждениях создатель «Диоптры» становится на точку зрения неоплатонического понимания души как сущности внетелесной и лишь действующей в теле, находясь одновременно и в нём и вове.

Онтология души предопределяет характерные для «Диоптры» принципы описания инобытия. В памятнике изложена оригинальная концепция постэсхатологического будущего, смысловым ядром которой являются пространственные извлечения из трактата «О душе и о воскресении». Текст жанрово представляет собой вопросы Григория и ответы на них его сестры Макарины. Всего взято два сюжета: о качествах души и ожидаемом слиянии душ с Богом в постэсхатологической вечности [3, с. 126–130 (248–251); 12, с. 229–234] и подробное описание того, что ожидает воскресших после Второго пришествия [3, с. 130–137 (251–258); ср.: 12, с. 237–325]. Вторая часть совпадает с прибавлением к «Богословию» и доказывает истинность догмата о воскресении. Повтор даёт основание говорить, что этому сюжету книжники уделяли особое внимание.

На основании трактата в «Диоптре» выстраивается оригинальная трактовка рая. В произведении проводится мысль, что у небесного жилища, в котором находятся праведные души, названий много: и земля живых, и сень праведных, и пищи поток, наполненный бессмертия. Далее в постулатах Григория Нисского поясняется, что следует понимать под раем. Формулируется идея, согласно которой в будущей

жизни домом, и одеждой, и пищей будет Бог [3, с. 129 (251)]. Ожидаемое в инобытии подчиняется законам ноуменального мира. Такое возможно, ибо изменится природа человека. После Второго пришествия в его физическом складе не останется ничего, что было прежде связано с процессами жизнедеятельности [3, с. 132 (253)]. В произведении проводится мысль, что после воскресения тел, по сути, должна произойти их дематериализация, возвращение к божественной природе Адама до грехопадения. В такой интерпретации догмат о воскресении тел превращается в аллереорию. В вопросе воздаяния Филипп Пустынник исходит из убеждения, что все спасутся. Как следствие, строгая поляризация рая и ада теряет смысл. По убеждению этого экзегета, кто-то раньше, а кто-то позже примет ожидаемое блаженство. Поэтому и муки рассматриваются как лечение от пороков, ради достижения полноты идеального бытия [3, с. 134 (255)]. Впечатляющие картины рая, характерные для апокрифов, здесь отсутствуют, ибо само понятие рая становится больше символом. Как видим, рай в «Диоптре» понимается в духе неоплатонического христианства — исключительно ноуменально: без места и без всякого конкретного образа. В данном случае Григорий Нисский исходил из того, что души ни в каком месте локализованы быть не могут. Данный пассаж в извлечение для «Диоптры» не вошёл, но это его прямое следствие.

В данном случае Филипп Пустынник стоит на позициях Григория Нисского, который вслед за неоплатоником Оригеном считал, что все спасутся. По убеждению автора произведения, праведники сразу после Суда попадают в Царствие небесное. Грешники же — с задержкой. Спустя разное для всех время грешники пройдут в ад заслуженное ими «лечение», а затем воспримут ожидаемое блаженство и неизбежное в связи с этим обожение [3, с. 255 (134)].

Прояснить тайну инобытия старались разные древнерусские книжники. Своё любопытство они удовлетворяли теми сведениями, которые давала на этот счёт переводная христианская книжность. В отечественной письменности повторялась вариативность святоотеческих трактовок, но преобладала констатация общего принципа. Например, в богослужебных чтениях звучала мысль о том, что угодившие Богу всходят на небеса [14, л. 128 а]. Словами Ефрема Сирина утверждалось, что творящие Божью волю пребывают в веки в царстве вечного добра и блаженства [7, л. 144 а]. В статье «О Царстве небесном» проводится мысль о том, что добрые дела вводят в царство блаженства на небесах [8, л. 11 б].

Труднообозрим массив древнерусских текстов, в котором формулируется повторяющаяся идея о том, что Царствие небесное, жизнь вечная, покой и радость уготованы праведным, творящим волю Божию. Когда поднималась эта тема, то в абсолютном большинстве случаев без дополнительных пояснений речь шла именно о небесном рае.

По материалам древнерусской письменности канонического свойства в рамках темы небесного рая практически не встречается конкретизации облика Царствия Божия (редкие исключения типа образа небесного Иерусалима). В высказываниях о небесном рае дело обычно ограничивалось констатацией признаков надприродного, надчувственного и надельённого идеальными чертами мира. Такое понимание

отвечает онтологическим установкам христианской доктрины. Есть в формировании подобного рода абстрагирующих от конкретных образов представлений и доля участия идей Григория Нисского.

До читателя дошла только малая часть огромного наследия платонически мудрствовавшего христианского экзегета. Но это были такие извлечения из трудов Григория Нисского, которые передавали основную суть его учения, что надо принимать во внимания с учётом огромного совокупного тиража рукописей, которые эти идеи проводили. Чтобы убедиться в этом, нужно сравнить содержание рассмотренных выше отрывков с концептуальными воззрениями христианского неоплатоника.

Григорий Нисский исходил из того, что души по своему происхождению принадлежат внеприродному духовному миру и существуют по его законам. Это — сущности нематериальные (подобные ангельской природе) и вечные. Экзегет констатировал, что в природе для покинувших тела душ, имеющих простую и отличную от материальности сущность, места нет [12, с. 37]. Обладающая разумными и невещественными качествами сущность не может пребывать в каком-то определённом месте [12, с. 248–249]. Из видимого мира явлений она переселяется в невидимую область [12, с. 371]. С одной стороны, рай в трактовке экзегета — это третье эфирное внеприродное небо, или «небесная земля», уготованная только избранным праведникам [10, с. 73; 10, с. 378]. Но с другой — сфера инобытия, по Григорию Нисскому, не вписывается в картину мироздания. В шаровидном и постоянно вращающемся Космосе нет места для ада и рая, поскольку нет пространства, их ограничивающего, а подземное и надземное места поочерёдно пребывают в свете и тьме [13, с. 247–248].

Посмертную участь человека Григорий Нисский призывает воспринимать не в буквальном значении библейских образов, а в духовном смысле [13, с. 247–248]. Символическое понимание посмертной участи в творениях Григория основывается на том, что души могут переживать три состояния: сначала земное, связанное с жизнью в теле, а после смерти либо ангельское (небесное бытие праведных душ), либо преисподнее, аллегорически олицетворяющее смерть нечестивых [13, с. 249]. Жизнь ангельская, как и преисподняя, — это особое «невидимое и бесплотное состояние жизни», в котором пребывают души [13, с. 243]. По сути, простираясь до небес, души не прекращают связи со своими телами [13, с. 230, 255], обеспечивая воссоединение земного и небесного в момент финалистического преображения мира.

Древнейший случай влияния идей Григория Нисского на оригинальную древнерусскую письменность даёт «Палея Толковая». Заимствование находится в той части антропологического раздела, где разъясняется комплекс воззрений о смерти. Этому посвящена главка под названием «О человеческом теле». Начало её является пересказом одного из пассажей VII главы трактата Григория Нисского «Об устройении человека» [6, л. 42 а – 42 б (с. 676); ср.: 2, с. 88]. Здесь говорится, что тело человека, состоявшее из четырёх элементов, каждый из которых обладал своим качеством, разлагается по смерти, а составлявшие составные элементы человека отходят к своим стихиям. Душа здесь уподоблена ртути, которая, разлившись на

множество капель, не смешивается с землёй, т. е. пребывает при разложившихся частях тела. Именно душе отводится роль формы, которую вновь обретает воскресшее тело после второго пришествия Христа.

В целостном виде антропология Григория Нисского «Палеей» не изложена, но важный и весьма характерный постулат её получил отражение в труде в связи с рассмотрением эсхатологического аспекта антропологической тематики. В указанном разделе «Палеей» получили отражения как раз те сведения, которые входили в состав извлечений из названного труда экзегета в качестве дополнения к «Богословию» Иоанна Дамаскина. Данный факт свидетельствует о том, что в переводе идеи Григория Нисского были известны заинтересованному отечественному читателю уже в домонгольское время и использовались создателями оригинальных произведений древнерусской книжности. Именно существование непрерывающей связи души и распавшейся плоти, согласно экзегету, обеспечивает воссоединение земного и небесного в момент финалистического преображения мира. Этот аспект и получил отражение в «Палее», представляя душу не смешанной с прахом, но сохраняющей связь с ним и собирающей рассеявшиеся первоэлементы, подобно ртути, в новое тело. Именно образ ртути позволяет объяснить, что душа человека после его смерти находится и вне праха, но одновременно связана с ним, знает своё и возрождает человека к возможной новой жизни. Упованием на будущую надежду человечества антропологический пассаж и заканчивается.

Можно указать ещё один факт влияния антропологических идей Григория Нисского на оригинальную древнерусскую книжность. Сегодня с достоверностью можно утверждать, что онтологическая концепция душевно-плотского единства была известна Кириллу Туровскому. Этот один из самых читаемых авторов Древней Руси опровергал актуальные для его времени представления, согласно которым души пребывают рядом с останками умерших людей [5, с. 36]. Можно было бы подумать, что полемика была вызвана пережиточными воззрениями язычества. Однако, после того как в поле зрения исследователей оказались переведённые на славянский язык древнерусские сюжеты из сочинений Григория Нисского, стало ясно, какие идеи опровергал древнерусский «златоуст». Он полемизировал с воззрениями, которые распространялись в отечественной средневековой книжности, но с точки зрения строгой ортодоксии представлялись неприемлемыми. В ряде постулатов эсхатология Григория Нисского смыкалась со взглядами Оригена, который учил, что все, в том числе и грешники, спасутся. В литературе высказывались мнения, что осуждение сочинений Григория не состоялось по причине того, что он приходился братом авторитетному в церковных кругах Василию Великому.

Как видим, и в переводной, и в оригинальной книжности идеи христианского неоплатонизма заняли заметное место. Ещё в начале 90-х гг. прошлого столетия Е. Н. Сырцова обратила внимание на то обстоятельство, что в «Слове о законе и благодати» Илариона присутствуют мотивы экзегезы Григория Нисского, а в частности воспроизведение положений концепции «милостивой эсхатологии», согласно которой и грешникам уготовано спасение. Аргументы автора выглядели убедительными, несмотря на то что прямого текстуального заимствования пока-

зано не было [10, с. 146–158]. Возникал даже закономерный вопрос: а могла ли быть трансляция трудов Григория на Русь в начальный период христианизации страны? Сегодня мы с уверенностью можем говорить, что и тексты, и идеи Григория Нисского имели распространение в древнерусской книжности. Игнорировать хотя и фрагментарные, но очень выразительные и ёмкие по смыслу сюжеты мы не имеем права, особенно когда стоит насущная задача выявления всего спектра идейных течений в древнерусской мысли. Христианский неоплатонизм должен занять среди них достойное место и характеризоваться не только на основании традиционно используемых для того «Ареопагитик», но в направлении расширения спектра персоналий и произведений. Дальнейшие поиски рецепции наследия Григория Нисского и изучение его наследия — один из перспективных путей расширения наших представлений о подлинном разнообразии религиозно-философской мысли отечественного Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, ексарха Болгарского // ЧОИДР. М.: Унив. тип. (Катков) на Страстном б-ре, 1877. Кн. 4.
- 2 *Григорий Нисский*. Об устройении человека / пер., прим. и послесловие В. М. Лурье. СПб.: Аxioma, 1995. 174 с.
- 3 «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / изд. подгот. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг; отв. ред. М. Н. Громов. М.: Наука, 2008. 733 с.
- 4 Изборник Святослава 1073 года / факсимильное изд. под ред. Л. П. Жуковской. М.: Книга, 1983. 582 с., ил.
- 5 *Колесов В. В.* Творения бл. Кирилла Туровского. Притчи, слова, молитвы. М.: Палей, 2009. 208 с.
- 6 «Палей Толковая». Антропологический раздел // *Громов М. Н., Мильков В. В.* Идейные течения древнерусской мысли. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2001. С. 651–678.
- 7 РГБ. ОР. Тр. № 7 (XIII в.).
- 8 РГБ. ОР. Тр. № 12 (XII – нач. XIII вв.).
- 9 *Сырцова Е. Н.* Идея апокатастасиса в эсхатологии Григория Нисского // Отечественная философская мысль XI–XVII вв. и греческая культура. Киев: Наукова думка, 1991. С. 146–159.
- 10 Творения св. Григория Нисского / пер. Московской духовной академии. М.: Тип. В. Готье, 1861. Ч. I. 470 с.
- 11 Творения св. Григория Нисского / пер. Московской духовной академии. М.: Тип. В. Готье, 1862. Ч. II. 480 с.
- 12 Творения св. Григория Нисского / пер. Московской духовной академии. М.: Тип. В. Готье, 1862. Ч. III. 410 с.
- 13 Творения св. Григория Нисского / пер. Московской духовной академии. М.: Тип. В. Готье, 1862. Ч. IV. 340 с.
- 14 *Ягич И. В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь. В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб.: Тип. Императ. АН, 1886. 944 с.

- 15 *Des Hl. Johannes von Damascus*. Ekdesis akribēs tēs orthodoxou pisteōs in der Übersetzung des Exarchen Johannes / Herausgegeben von Linda Sadnik // *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*. T. V / ed.: R. Aitzetmüller, J. Matl, L. Sadnik. Wiesbaden, 1967. T. XIV (V, ₂) / ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg, 1981; T. XVI (V, ₃) / ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg, 1983.

* * *

Milkov Vladimir Vladimirovich,

*Doctor of Philosophy,
a leading researcher,*

*Federal State Budgetary Research Institution,
Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences,
Volhonka St., 14/1, str. 5, 119991 Moscow, Russian Federation
E-mail: dr_milkov@mail.ru*

GRIGORY NISSKY'S TEXTS IN AN OLD RUSSIAN BOOK-LEARNING AND THEIR INFLUENCE ON DOMESTIC MEDIEVAL THOUGHT

Abstract: The author introduces the reader to Grigory Nissky's texts which were found in the composition of Old Russian literature. Particular examples of influence of his works on thinkers of Ancient Russia are reviewed. The author found extractions from Grigory Nissky's works in Old Russian texts of XII–XIV centuries. Fragments of his compositions are found in additions to the treatises by Ioann Damaskin and in «Dioptra» by Philip Pustynnik. From the point of view of the author these texts were used by representatives of Christianized Neoplatonism. In particular, these ideas were reproduced in the compositions by Kirill Turovsky and in «Paleyia Tolkovayia». The aspiration to show definite ways of distribution of Christianized Neoplatonism in Old Russian culture was the purpose of work. The conclusion was made that the concept of Christianized Neoplatonism in Russian Middle Ages was represented not only in the translations of «Areopagitik» and «Dioptra», but in the texts of such outstanding Christian neoplatonik as Grigory Nissky.

Keywords: Ancient Russia, Grigory Nissky, religious and philosophical thought, Christianized Neoplatonism.

REFERENCES

- 1 Bogoslovie sv. Ioanna Damaskina v perevode Ioanna, ekzarkha Bolgarskogo [The theology of St. John Damascene translated by John Ekzarh Bulgarian]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh (ChOIDR)* [Readings in the History and Russian Antiquities]. Moscow, Univ. tip. (Katkov) na Strastnom b-re Publ., 1877. Kn. 4.
- 2 Grigorii Nisskii. *Ob ustroenii cheloveka* [Gregory of Nyssa. On the Making of Man], per., prim. i posleslovie V. M. Lur'e. St. Peterburg, Axioma Publ., 1995. 174 p.

- 3 «*Dioptra*» *Filippa Monotropa: antropologicheskaia entsiklopediia pravoslavnogo Srednevekov'ia* [«*Diopters*» by Philip Monotropa: anthropological Orthodox encyclopedia of the Middle Ages], izd. podgot. G. M. Prokhorov, X. Miklas, A. B. Bil'diug; otv. red. M. N. Gromov. Moscow, Nauka Publ., 2008. 733 p.
- 4 *Izbornik Sviatoslava 1073 goda* [Svyatoslav's Collection of 1073], faksimil'noe izd. pod red. L. P. Zhukovskoi. Moscow, Kniga Publ., 1983. 582 p., il.
- 5 Kolesov V. V. *Tvoreniia bl. Kirilla Turovskogo. Pritchi, slova, molitvy* [Works of St. Cyril of Turov. Fables, words, prayers]. Moscow, Paleia Publ., 2009. 208 p.
- 6 «*Paleia Tolkovaia*». Antropologicheskii razdel [«*Tolkovaya Paleya*». Anthropological section]. Gromov M. N., Mil'kov V. V. *Ideinye techeniia drevnerusskoi mysli* [Old Russian ideological currents of thought]. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo in-ta Publ., 2001, pp. 651–678.
- 7 RGB. OR. Tr. № 7 (XIII v.) (In Russian, unpublished).
- 8 RGB. OR. Tr. № 12 (XII – nach. XIII vv.) (In Russian, unpublished).
- 9 Syrtsova E. N. *Ideia apokatastasisa v eskhatologii Grigoriia Nisskogo* [The idea of apokatastasis in eschatology Gregory of Nyssa]. *Otechestvennaia filosofskaia mysl' XI–XVII vv. i grecheskaia kul'tura* [Patriotic philosophical thought of XI–XVII centuries. Greek culture]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 146–159.
- 10 *Tvoreniia sv. Grigoriia Nisskogo* [Works by St. Gregory of Nyssa], per. Moskovskoi dukhovnoi akademii. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1861. Part I. 470 p.
- 11 *Tvoreniia sv. Grigoriia Nisskogo* [Works by St. Gregory of Nyssa], per. Moskovskoi dukhovnoi akademii. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1862. Part II. 480 p.
- 12 *Tvoreniia sv. Grigoriia Nisskogo* [Works by St. Gregory of Nyssa], per. Moskovskoi dukhovnoi akademii. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1862. Part III. 410 p.
- 13 *Tvoreniia sv. Grigoriia Nisskogo* [Works by St. Gregory of Nyssa], per. Moskovskoi dukhovnoi akademii. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1862. Part IV. 340 p.
- 14 Iagich I. V. *Sluzhebnye minei za sentiabr', oktiabr', noiabr'. V tserkovno-slavianskom perevode po russkim rukopisiam 1095–1097 gg.* [Service Menaion for September, October, November. Church Slavonic translation based on Russian manuscripts of 1095–1097]. St. Petersburg, Tip. Imperat. Akademii nauk Publ., 1886. 944 p.
- 15 Des Hl. Johannes von Damascus. *Ekdesis akribēs tēs orthodoxou piste ōs in der Übersetzung des Exarchen Johannes / Herausgegeben von Linda Sadnik // Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*. T. V / ed.: R. Aitzetmüller, J. Matl, L. Sadnik. Wiesbaden, 1967. T. XIV (V, ₂) / ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg, 1981; T. XVI (V, ₃) / ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Freiburg, 1983.